

С.Н. Кочеров

ВШЭ, г. Нижний Новгород,

S.N. Kocherov

HSE, Nizhny Novgorod

**Миссия России в современном мире как платформа политики
«мягкой силы»**

**The mission of Russia in the modern world as a platform for policy
of "soft power"**

Аннотация: В статье рассматриваются последние заявления и действия российского руководства, направленные на борьбу с международным терроризмом. Утверждается необходимость выработки ясного представления о миссии России в глобальном мире как обоснования проводимой ею внешней политики. Высказываются предложения по тому, какие идеи могли бы быть положены в основу политики России в сфере национальной безопасности.

Abstract: The article explores the latest statements and actions of the Russian government aimed at the fight against the international terrorism. The author states the necessity of the development of a clear notion of the Russian mission in the world as the grounds for the Russian foreign policy, as well as analyzes what ideas could become the basis for the Russian national security policy.

Ключевые слова: внешняя политика, миссия страны, идея спасения, постдемократия

Keywords: foreign policy, mission of a country, idea of salvation, post-democracy

Последние политические события – выступление президента России В.В. Путина на 70-й Генеральной ассамблее ООН и нанесение российской авиацией ударов по командным пунктам и базам снабжения джихадистов в Сирии – заставляют задуматься о той роли, которую наша страна играет в современном мире. Слова и дела в политике, привлекающие всеобщее внимание и вызывающие глобальные последствия, требуют самого серьезного осмысления. Поэтому так важно выявить идеологическое обоснование той политики, которая проводится руководством Российской Федерации в целях обеспечения национальной безопасности России в современном мире. В терминах геополитического мышления такое обоснование может быть интерпретировано как презентация миссии конкретной страны в данный период истории.

Нельзя не признать, что в постсоветский период российское государство достаточно противоречиво позиционировало себя в международных делах. Оно то заявляло претензии на лидерство среди стран СНГ, то пыталось построить «Энергетическую империю», то вспоминало о своем евразийском наследстве, то искало национальную идею, принимая за нее порой разные утопические проекты, наподобие победы на домашнем чемпионате мира по футболу. О некоторых еще недавно столь громогласно звучавших версиях миссии своей родины сегодня неохотно говорят даже самые рьяные патриоты. Например, к осени 2015 г. из лексикона нашего политического сообщества практически исчезло понятие «Русский мир», без которого редко обходились политики и журналисты весной 2014 года. И дело не только в том, что данное понятие было в известной мере скомпрометировано событиями на Украине, где представители «Русского мира» ведут гражданскую войну между собой. Сама эта идея, заимствованная из отечественной философии «серебряного века», будучи перенесена в политические реалии нашего времени, изначально преподносилась неверно, поскольку Россия духовная подменялась в ней Россией этнической, и «русскость» определялась по близости крови и языка, а не по общности ценностей жизни и исторической памяти.

Это лишний раз убеждает в том, что миссия страны, т.е. государства и общества, не может быть сконструирована политтехнологами под конъюнктурные нужды преходящего момента международной жизни. Она должна произрастать из истории и культуры данной страны, образа жизни и менталитета ее жителей, во многих сменяющих друг друга поколениях, вобрать в себя дыхание природной почвы и социальной судьбы. Конечно, в отношении того, в чем именно состоит глубинная суть российской политики, могут быть высказаны самые различные, даже противоположные мнения. Так, со времен славянофилов имеет известное влияние теория органического характера русского государства, которое, по этой теории, в отличие от западных держав, утверждалось не путем насильственного завоевания и введения внешнего закона, а на основе добровольности, христианской любви и мира, стремясь проводить эти принципы и в своей внешней политике. Данной точке зрения противостоит другой взгляд на развитие русской государственности, в соответствии с которым государство, созданное для организации обороны от внешних врагов, легло непосильным бременем на плечи своих подданных, став «тюрьмой» для своих и «империей» для чужих народов. Если же не впадать в эти крайности и стремиться найти истину «посредине», то более адекватным российской истории представляется такое воззрение общества на

государство: сильное государство необходимо, но оно должно иметь оправдание – не в *силе* своего могущества, а в *правде* своего назначения.

Таким образом, за любой демонстрацией российским государством своей силы (а проявления слабости ему обычно не прощают) должна находиться некая идея, которая оправдывает ее применение. Безусловно, в этом отношении Россия не отличается от других ведущих государств, активно проводящих свою политику. Например, США предпочитают оправдывать свои действия на международной арене своей приверженностью демократическим ценностям и стремлением распространить их во всем мире. Китай официально провозглашает своей целью содействие сохранению мирового порядка и поддержанию согласия между народами. Россия в постсоветское время как будто не имеет подобной «индальгенции», но это не значит, что ее внешняя политика лишена всякого идеологического обоснования. Более того, последние события указывают на то, что решение прагматической задачи по обеспечению национальной безопасности российское руководство, возможно, пока еще более интуитивно, чем осознанно, стремится связать с неким историософским смыслом. Так, одним из самых сильных и эффектных моментов в выступлении президента России на Генассамблее ООН стали слова, обращенные к лидерам Запада о положении дел на Ближнем Востоке: «Внешнее агрессивное вмешательство привело к тому, что институты были разрушены, там царят насилие и нищета, жизнь людей ни во что не ставится. Хочется спросить у тех, кто создал эту ситуацию: вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?». Характерно, что некоторые западные журналисты и эксперты, еще до ударов российской авиации по боевикам «Исламского государства», восприняли эти слова В.В. Путина как готовность российского лидера выступить «спасителем Европы» от исламского терроризма и миграционного кризиса [1].

Это образное сравнение коррелирует с наблюдением немецкого ученого В. Шубарта, который перед II мировой войной сравнил национальные идеи разных европейских народов. «*Англичанин* со времен Кромвеля, – писал он, – вдохновляет идея благословенного сословия, идея Божьего избранничества, которую пуритане, сторонники Мильтона, позаимствовали из кальвинизма. ... *Француз* стремится не к политическому, а к духовному лидерству в мире. Он считает своим предназначением маршировать во главе цивилизации и подавать пример духовности. ... *Русский* и в этом вопросе отличается от европейцев. Его национальной идеей является спасение человечества русскими» [2, с. 193-194]. По мнению Шубарта, стремление к спасению

других есть одна из главных интенций русского народа, которая исторически проявлялась то в защите им всех православных, то в помощи поработанным славянам, то в солидарности с угнетенными классами, то в призывах к духовному обновлению человечества. Это стремление имеет мало общего с желанием извлечь выгоду для себя, которое в политике обычно прикрывается словами о защите национальных интересов. Не случайно А.С. Панарин пришел к выводу, что само по себе национальное государство с точки зрения русских не многое стоило, поскольку «как только государство оказывалось отлученным от большой миротворительной идеи – православной, затем – коммунистической, его становилось некому защищать» [3, с. 444]. Такой подход, при всей его спорности, позволяет представить в несколько ином свете современную политику российского государства, которая, независимо от взглядов его руководителей, не может быть свободна от традиций векового наследия.

Здесь нужно иметь в виду, что идея спасения в русском менталитете заметно отличается от идеи спасения в западных и восточных культурах. Русская идея спасения не может быть сведена ни к преодолению бедности, политическому освобождению, увеличению объема прав и свобод, что характерно для Запада, ни к религиозно-мистическому уходу из мира или полному подчинению тотальности авторитарного или теократического государства, что присуще Востоку. Она находит адекватное выражение скорее в метафизическом плане – как избавление от всеобщей опасности и всемирной угрозы. Н.А. Бердяев считал важной характеристикой русской идеи то, что она есть идея «эсхатологическая, обращенная к концу», причем «в русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления ко всеобщему спасению» [4, с. 240]. Именно в таком спасении, принимающем характер «общего дела», удовлетворение Россией потребности в обеспечении своей безопасности поднимается до уровня деятельности во имя интересов всего человечества.

Казалось бы, какое отношение все это имеет к реальной политике? Однако вспомним, в какие периоды Россия играла поистине великую и неоспоримую роль в истории. Это происходило только тогда, когда она выступала спасительницей человечества от угрозы земного Апокалипсиса. Так было, когда она обескровила монгольскую орду, защитила Европу от Наполеона и спасла мир от гитлеровской Германии. Не впадая в особое преувеличение, следует сказать, что во времена решающего участия России в мировой политике выполненная ею миссия фактически ставила ее в положение спасителя человечества. Конечно, можно скептически

оценивать попытки славянофилов представить призвание своей страны в том, чтобы спасти цивилизацию Запада, якобы задыхающуюся от рационализма, формализма и бездуховности. Точно так же не оправдались надежды социалистов на то, что именно в России будет построено коммунистическое общество как альтернатива гибнущему капитализму. Но хотя российскому государству и обществу не удалось в полном объеме и чистоте реализовать ни панславянский, ни коммунистический проект, не вызывает сомнения их «мироспасательный» характер.

Какая миссия может быть у России в современном мире после того, как речь ее президента стала едва ли не самой важной из выступлений мировых лидеров на 70-й Генассамблее ООН и убедила многих, если не всех, что Б. Обама напрасно назвал Россию «региональной державой»? Представляется, что при всей важности борьбы с международным терроризмом она не может считаться ни главной внешнеполитической доктриной российского государства, ни базовым принципом его деятельности на международной арене. В этом отношении следует согласиться с американским политологом Зб. Бжезинским, заявившим, что идея борьбы с терроризмом «слишком узка по своей направленности, слишком расплывчата в определении противника, и, что важнее всего, она бессильна повлиять на фундаментальные причины интенсивного политического брожения в простирающейся между Европой и Дальним Востоком ключевой зоне Евразии» [5, с. 63]. Характерно, что и сам российский президент в своем выступлении на Генассамблее ООН заявил не только о готовности России участвовать в борьбе с международным терроризмом, но и о вкладе своей страны в гармонизацию экономического сотрудничества и международной торговли, а также в преодоление негативных последствий глобального изменения климата.

Однако необходимость сплочения человечества в борьбе с той или иной угрозой не снимает вопроса о принципах такого объединения. Не случайно в ответ на предложение российского президента создать международную коалицию по борьбе с терроризмом, по аналогии с коалицией против Гитлера, западные критики его выступления напомнили ему о том, что участники антигитлеровской коалиции боролись против общего врага, но за разные ценности. Между тем именно наличие или отсутствие общих ценностей, как показывает опыт международного сотрудничества, часто определяет судьбу экономических, политических или культурных объединений в современном мире. Так, нельзя не заметить, что, несмотря на процессы глобализации, многие народы не только не готовы принять единую систему ценностей, предлагаемую

цивилизацией Запада, но, напротив, видят свою идентичность, например, в следовании религиозным заповедям Корана или принципам конфуцианской этики. Какие ценности может предложить Россия в качестве обоснования проводимой ею политики? Ведь попытка выдать за «мироспасательную идею» свой национальный интерес не может увенчаться успехом, поскольку, по справедливому замечанию В.М. Межуева, «одно дело защищать свой национальный интерес, другое – иметь идею, обращенную к мировому сообществу. ...Интерес – это то, что мы желаем для себя, идея – то, что полагаем важным, существенным для всех» [6, с. 5].

Философский анализ российской истории и культуры позволяет сделать вывод, что идея спасения проявляется в российской ментальности не автономно, а в тесной связи с другими идеями, сравнимыми с ней по степени общности. Такими идеями, на наш взгляд, являются также идея правды как смысложизненной истины и идея соборности, или братства людей. Сочетание правды, соборности и спасения как триединства национальной идеи совершается не произвольно, а в соответствии с определенной закономерностью. Каждая из идей в этой триаде, получая идеологическое обоснование от предыдущей, дает психологическое обоснование ей самой. Ибо главным признаком «всеобщей правды», по сути, является то, что она не может быть навязана силой, но должна быть принята по общему согласию и во взаимной любви, т.е. соборно. А «всеобщее братство», исключаящее всякое принуждение, становится возможным только тогда, когда возникает необходимость во «всеобщем спасении».

Всеобщее же спасение предполагает перспективу, ради преодоления или достижения которой даже разобщенное человеческое сообщество может оказаться способным к соборному единению. В качестве такой перспективы, как ее негативная сторона, обычно осознается угроза мирового масштаба (наступление царствования Антихриста, религиозно-моральное вырождение общества, превращение человечества в объект империалистической политики или капиталистической эксплуатации). Но устранение данной угрозы, как правило, мыслится невозможным без одновременного восхождения к более совершенному обществу, что является положительной стороной указанной перспективы. В переводе с языка историософии на язык политики это означает, что миссия России в глобальном мире состоит в содействии такому мироустройству, которое станет более безопасным, справедливым и гармоничным, чем современное.

Некоторые контуры такого мироустройства были обозначены и в указанной речи В.В. Путина на юбилейной ассамблее ООН. Так он сообщил, что «в противоположность политике эксклюзивности Россия предлагает гармонизацию региональных экономических проектов, так называемую интеграцию интеграций, основанную на универсальных прозрачных принципах международной торговли». В качестве ответа на «вызов планетарного масштаба» российский лидер заявил «о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволят восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой». Эти идеи помогают лучше понять, в чем руководство России видит миссию своей страны в глобальном мире в настоящее время и в ближайшем будущем. Однако, при всех тех критических нотах в отношении стран Запада и, прежде всего, США, что явственно прозвучали в выступлении российского президента, он не поставил под сомнение либеральные и демократические ценности, которые являются идеологическим обоснованием современной геополитики США и Евросоюза. То есть оправданием той политики, о которой С. Хантингтон писал, что «вмешательство Запада в дела других цивилизаций является, вероятно, единственным наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире» [7, с. 514].

Между тем в наше время даже некоторые главные «выгодоприобретатели» капиталистической системы заявляют об ее кризисе и возможном обрушении в будущем [8]. Вместе с рыночным капитализмом в кризис приходит и адекватная ему форма правления – политическая демократия. Исторический опыт конца XX – начала XXI века показывает, что демократия уже не всегда является самым эффективным механизмом организации общественно-политических отношений и решения социально-экономических проблем. Первые признаки кризиса демократии очевидны. Это не только тенденция по снижению явки избирателей в странах развитой демократии, но и стихийные проявления активности анти – и альтерглобалистов. Признаки отторжения демократии наблюдаются даже в странах с сильной эгалитарной традицией (например, Франция), поскольку нынешняя система выборов превратилась в способ извлечения политической ренты. А усилившийся после 11 сентября 2001 года процесс навязывания демократии странам «третьего мира» вызывает лишь отторжение ими демократии как политической системы, принципы которой вступают в противоречие с их традиционными религиозными, правовыми и моральными

ценностями. Несовершенство демократии как формы организации общественной жизни особенно заметно в зонах межэтнических и межкультурных конфликтов (Африка, Ближний Восток, Балканы, Кавказ, Средняя Азия). Поэтому преодоление современной формы политической демократии в мире – это вопрос времени.

Конечно, сегодня заявление об отмирании демократии будет восприниматься демократами как покушение на нечто святое и незыблемое. Точно так же в 1900-е гг. русские монархисты реагировали на обещание, что царское самодержавие в России будет низвергнуто, а многие коммунисты в 1980-е гг. – на предупреждение о том, что вскоре КПСС утратит власть. В обоих случаях проявилась исторически объяснимая и ярко выраженная косность мышления, как обычных граждан, так и консерваторов от власти и науки. Но усиливающийся динамизм общественных процессов, особенно возросший со вступлением человечества в информационную эпоху, неизбежно приведет к глубинной трансформации экономических и социальных процессов, требующих принципиально новой формы политической организации, которую мы, за отсутствием более точного определения, назовем *постдемократией*. Дать ее детальное описание пока что представляется делом затруднительным, однако можно указать, по меньшей мере, на два коренных отличия этого феномена будущего от современной политической демократии. Во-первых, при постдемократии каждый гражданин сохранит в суверенном владении свой политический голос, отчуждаемый ныне от него после завершения очередной избирательной кампании, что, возможно, приведет к отмиранию сословия профессиональных политиков. Во-вторых, постдемократия сможет обеспечить лучший, по сравнению с представительной демократией, механизм отбора во власть людей, оптимально сочетающих профессиональные, гражданские и моральные качества, необходимые для ответственного управления обществом.

Может показаться странным, что проблема преодоления демократии и перехода к более прогрессивной форме правления будет впервые заявлена в России – стране, которая не может похвастаться давними демократическими традициями или зрелой демократией как характеристикой ее нынешней политической системы. Но, как показывает исторический опыт, одна из главных особенностей российской культуры состоит в том, чтобы стремиться из начального состояния к высшему моменту развития, минуя средний, промежуточный этап. Разумеется, признать российскую демократию начала XXI века зрелой и развитой значит погрешить против истины. Но из этого не следует, что Россия обречена идти путем только авторитарной

модернизации. Конечно, в пользу выбора именно такого пути говорят традиционные для российской власти способы адаптации к угрозам, порожденным историческими вызовами. В наше время многообразие внешних вызовов подтверждается наличием неисчислимого числа претензий к России, как со стороны стран, некогда входивших в Советский Союз, так и со стороны давних противников СССР по «холодной войне». Однако Россия способна проводить прогрессивные реформы даже в условиях «враждебного окружения», что доказывают преобразования, которые глубоко «перепахали» российское общество в годы правления царя Александра II.

Постдемократия – это тот «проект будущего», который Россия может предложить не только странам Запада, но и Арабскому миру, и странам Африки и Латинской Америки, гражданам всей планеты Земля. Постдемократия – это эгалитарный ответ элитарной экономической и политической глобализации, проводимой в интересах пресловутого «золотого миллиарда». Можно представить, как бы изменилось отношение к России в мире, если бы она последовательно выступала с этой позиции. На наш взгляд, именно стремление к переустройству мира, как в смысле гармонизации отношений между человечеством и природой, так и в смысле движения к постдемократии как более справедливой форме социально-политической организации, могло бы стать тем, что называется «мягкой силой» (soft power), которой сегодня так недостает российской политике. Согласно концепции Дж. Ная, к которому восходит данное определение, *мягкая сила* – это производная от трех ресурсов государства: его культуры, политической идеологии и внешней политики [9]. В мягкой силе в латентном виде проявляется национальная идея страны, ее миссия в глобальном мире, а в явном выражении – международный имидж, образ и стиль жизни ее граждан. И накопление такой силы в XXI веке является не менее важной задачей обеспечения национальной безопасности России в глобальном мире, чем поддержание в боевой готовности жесткой силы (hard power), что применяется сегодня в Сирии.

Литература:

1. Джон Брэдли: только Путин имеет «толковый» план по Сирии. URL: <http://ria.ru/world/20150928/1288558571.html>. [Дата обращения - 30.09.2015].
2. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Альманах «Русская идея» (вып. 3), 1997. – 448 с.

3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. – Харьков; М.: Фолио, АСТ, 1999. – С. 5 – 242.
5. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2005. – 288 с.
6. Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. – 1997. № 12. – С. 3 – 14.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.
8. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 262 с.
9. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Тренд, 2006. – 401 с.

Авторская справка

Кочеров Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород; 603064, Нижний Новгород, проспект Ленина, 70 – 40. Эл. адрес: kocherov@yandex.ru.

Kocherov Sergey Nikolayevich – doctor of philosophy, docent, professor of the Department of Social Sciences and Humanities, National research University «Higher school of Economics» – Nizhny Novgorod; 603064, Nizhny Novgorod, Lenin avenue, 70 – 40. E-mail: kocherov@yandex.ru.